

Джордж Стрэттон

*По вере
вашей
да будет
вам*

**Парадоксы
мифолого-религиозного
сознания народов мира**

Издательство "Велигор"
Москва 2024

УДК 133.52+141+339

ББК 86.42

С83

С83 Джордж Стрэттон
ПО ВЕРЕ ВАШЕЙ ДА БУДЕТ ВАМ. Парадоксы мифолого-религиозного сознания народов мира (1911). – М.: Издательство «Велигор», 2024. – 412 с.: ил.

ISBN 978-5-91742-383-8

Предлагаем вниманию наших читателей книгу Джорджа Стрэттона (Psychology of the Religious Life), опубликованную в 1911 году, в которой он описал ряд наиболее важных черт религий, выявил причины, придающие им особый характер, и показал причуды и казусы религиозного сознания народов мира в контексте их верочувений.

Автор провел исследования в области психологии религиозной жизни, во многом расширив и обогатив уже имевшиеся у людей представления о человеческой психике. В этой книге вы найдете много впечатляющих фотографий и сведений на тему жизни представителей этнических групп, сект и традиционных конфессий из разных частей света.

Перевод Алексей Архипов

г. Москва, м. Кожуховская, ул. 6-я Кожуховская, дом 24, 1 этаж, офис №4

Тел: +7 (495) 784-06-61, +7 (985) 784-08-16.

E-mail: veligor97@gmail.com

Мы в социальных сетях:

<https://vk.com/veligor97>

Интернет-магазин: WWW.VELIGOR.RU

Интернет магазин для граждан других стран:

WWW.VELIGOR-BOOKS.COM

© Джордж Стрэттон, 2024

© Издательство «Велигор», 2024

Содержание

От редакции.....	7
Предисловие	8
Введение	12
Часть 1.	
Конфликты, связанные с чувствами и эмоциями	33
Глава 1. Высокая и низкая самооценка	33
Глава 2. Широта и узость симпатий	52
Глава 3. Мир принятый или отвергнутый	80
Глава 4. Стимулы к отречению	94
Глава 5. Противопоставление уныния и радости	111
Глава 6. Подавление и усиление эмоций	128
Глава 7. Более широкие связи чувств	142
Часть 2. Конфликты в отношении действий	156
Глава 8. Церемониал и его внутренняя основа.....	156
Глава 9. Неприятие ритуалов	172
Глава 10. Некоторые конкурирующие влияния на действия	179
Глава 11. Деятельность и благоговейное бездействие.....	189
Глава 12. Внутренние источники пассивности.....	201
Часть 3. Конфликты в отношении религиозной мысли....	218
Глава 13. Некоторые этапы религиозной мысли	218
Глава 14. Причины доверия и ревности интеллекта	232
Глава 15. Место верования.....	242
Глава 16. Образы божества	250
Глава 17. Противопоставление образа и мысли	261
Глава 18. Бегство от образов.....	276

Глава 19. Многобожие и единобожие: мотивы для умножения числа богов.....	293
Глава 20. Мотивы упадка и единства.....	311
Глава 21. Бог известный и неизвестный	328
Глава 22. Божество вблизи и вдали.....	340
Часть 4. Основные силы религии.....	365
Глава 23. Акт идеализации.....	365
Глава 24. Изменение и постоянство идеала.....	381
Глава 25. Нормы религии	395

От редакции

Вопросу изучения религий во всем мире в последние несколько лет уделяется большое внимание. Если мы хотим выстроить конструктивное межконфессиональное взаимодействие и повысить религиозную толерантность в нашем обществе, для нас становится очень актуальным решение задач, стоящих перед религиоведением, и прежде всего понимание ментальности окружающих народов, обусловленной их религиозным мироощущением.

Особое значение при этом приобретают исследования в области психологии религиозной жизни, которая, безусловно, способна во многом расширить и обогатить имеющиеся у нас представления о человеческой психике, через изучение ментальных феноменов, возникающих в сфере религии.

Изучение религиозных воззрений должно включать в себя, прежде всего, исследование психологии их носителей, поскольку религия существует в психике и функционирует по ее законам. Джордж Стрэттон, автор этой книги, попытался описать некоторые наиболее важные черты религий, выявить причины, придающие им особый характер, и показать причуды и казусы религиозного сознания народов мира в контексте их верований.

Предисловие

В настоящем исследовании предпринята попытка описать некоторые из наиболее значимых черт религии и выявить причины, придающие им особый характер. Возможно, следует сказать несколько слов об используемом методе. Я предполагаю, что могут быть возражения против того, чтобы основывать психологический анализ религии главным образом на ответах, полученных от отдельных людей при их прямом опросе о личном религиозном опыте, даже когда эти ответы дополняются материалом, почерпнутым из жизнеописаний, особенно из автобиографий религиозных деятелей.

На самом деле, метод, которому с большим успехом следовали Джеймс, Старбак, Коу, Прагт и другие, безусловно, оправдан. И все же люди, которых легче всего убедить такими средствами, по большей части являются приверженцами одной и той же религии, ибо они принадлежат к Западной цивилизации и, естественно, демонстрируют преобладание того особого типа характера, который готов предоставить чужаку доступ к тайным уголкам личности.

Чтобы избежать некоторых из этих трудностей, следует наблюдать с точки зрения психологии за религиозной жизнью самых разных народов, даже самых скрытных, когда они теряют бдительность и не осознают себя. Молитва, гимн, миф, священное пророчество – все это, по моему мнению, до сих пор предоставляет психологу наилучшие средства для изучения всей природы религии в ее разнообразных формах.

В полученном таким образом плане детали, почерпнутые из других источников, найдут свое надлежащее место. А посему я обратился в первую очередь к ряду великих канонических сборников, эпосу и достоверным описаниям обычаев и обрядов, и только во вторую очередь к самоанализу отдельных

людей. Таким образом, человек приходит к своему научному взгляду на религию главным образом по способу ее выражения в каком-то жизнеспособном обществе, причем гораздо менее опасно придавать чрезмерное значение тому, что является исключительным и даже болезненным. Какими бы мотивами ни руководствовались при создании религиозного произведения, результат должен быть психологически обоснованным, поскольку люди откликнулись на него, приняли его и сделали основой своего вероучения, и это является твердым доказательством того, что оно отвечало чему-то глубинному в природе тех, кому было адресовано.

Можно сделать небольшое предостережение в отношении использования мною некоторых терминов. Священные писания любого народа представляют собой летопись его исторического развития, в котором присутствуют пережитки более ранней религиозной жизни и последующих реформ.

Для удобства я часто называл все развитие каким-нибудь доминирующим личным наименованием – например, называл все, что есть в Коране, магометанством, хотя известно, что многое из этого предшествовало Магомету, а значительная часть магометанства появилась позже Корана. Аналогичным образом различные фазы религии, изображенные в китайском каноне, были обозначены как конфуцианство, а зороастризмом условно обозначается все разнообразие жизни, представленной в Зенд-Авесте.

При цитировании священных книг Востока была допущена некоторая вольность с использованием экстралингвистических слов. Квадратные скобки переводчика, используемые для отличия дополнительных или поясняющих слов от тех, эквиваленты которых содержатся в самом тексте, здесь регулярно опускались, а в одном или двух случаях сами слова, заключенные в квадратные скобки, казались ненужными. Читатели настоящего тома, несомненно, предпочли бы, чтобы эти научные пояснения не отвлекали их внимание.

Хорошо известные работы Э. Б. Тайлора и Дж. Дж. Фрэзера, естественно, были моим самым важным руководством по изучению менее цивилизованных народов. Книга профессора У. Джеймса «Разнообразие религиозного опыта» неизбежно оказывала влияние на всех, даже несмотря на то, что его работы так часто вызывают полное восхищения неприятие. Мне пришлось бы слишком долго перечислять всех людей, которым я обязан, однако я не могу не упомянуть о терпении и вежливости библиотекарей и их ассистентов Калифорнийского университета, Университета Джона Хопкинса и Института Пибоди. Я никогда не забуду неизменную доброту профессора Дэвида М. Робинсона в ответ на мои беспокойные расспросы о греческих источниках. И я глубоко признателен редактору нынешней Библиотеки профессору Мьюирхеду за массу важных поправок в моем тексте. Лучшим из учителей, профессору Ховисону и Джозефу Вустеру, я очень признателен за оказанную мне громадную помощь.

Что касается фактического результата работы, то если бы у кого-то был дар изложить то, что можно наблюдать в такой области, то, несомненно, сложилось бы яркое и определенное впечатление о борьбе мотивов в религии. Каждое мгновение ум мощно движется в противоположных направлениях: он одновременно цепляется за мир, как физический, так и социальный, и испытывает отвращение к ним; он желает действовать противоречивыми способами и в то же время оставаться пассивным; он зависит от собственных чувств и интеллекта и презирает их; он хотел бы, чтобы его божественность была одновременно множественной и единой, близкой и далекой, известной и неизвестной.

Это внутреннее напряжение, которое выявляют сами факты (оно часто доходит до предела, так что тогда единолично правит какой-то один ясный мотив), я попытался сделать очевидным, объяснить и проиллюстрировать подобными конфликтами, которые не являются религиозными. Конечно, это

всего лишь эссе, призванное полностью описать эти вещи, и я с трудом верю, что другие могут острее меня самого ощущать их несовершенство.

Наконец, я должен признаться в некотором своем опасении при мысли о том, чтобы вонзить скальпель во что-то столь быстрое и чувствительное, как то, о чем здесь идет речь. Такое недоверие, возможно, было бы решающим, если бы понимание само по себе не было частью благоговения, и если бы не правда, что холодное исследование ума, даже при поклонении, необходимо, чтобы решить, что лучше, а что хуже.

Более здравые типы религии вряд ли пострадают при внимательном анализе или при их противопоставлении менее упорядоченным формам.

*Дж. М. Стрэттон
Беркли, Калифорния,
Сентябрь 1911 года*

Введение

Стремление и обязанность понимать религию частично возлагаются на психологию. Психологическое исследование разделяет общую свободу и ограничения всей научной работы. Здесь человек на время оказывается в стороне от многих свойственных его роду интересов. В тот момент, когда он пытается наблюдать и понять человеческий ум в его благоговении (наблюдать за ним с целеустремленностью, присущей тем, кто изучает действие света на растения или поведение пчел при хранении меда), исследователь должен отгородиться от себя настолько, чтобы он был на одной волне с реформатором и философом, с иконоборцем и священником.

И все же, несмотря на его хладнокровие к их специфическим целям, у него есть собственное рвение и серьезность. Им движет более свободная интеллектуальная любознательность, и он может, не отвлекаясь, проследить естественные законы нашей реакции на то, что оказывает на нас наибольшее впечатление. Такой исследователь стремится исключительно проследить сложные повороты причины и следствия, имея одно неизменное предубеждение: в человеческих мыслях и действиях, даже когда говорят о том, что считается самым священным, повсюду действуют естественные причины, и при настойчивости их можно раскрыть.

Цель психологического изучения религии состоит в том, чтобы объяснить ее в духе науки, а не для того, чтобы опровергнуть или поддержать. В его обязанности не входит осуждать или одобрять религию в целом или какие-либо особые черты религии. Такое суждение должно осуществляться по другим законам, отличным от тех, которые дает наука, законам, которые следует искать на их собственном пути и месте. Но легче увидеть пользу от такого воздержания, чем практиковать его.

И я не сомневаюсь, что настоящее исследование временами будет переходить с уровня чисто случайного интереса к уровню критика. Любые подобные отступления следует признать упущениями, вызванными немощью плоти, к которым читатель, я надеюсь, проявит милосердие. И все же в заключение я попрошу о привилегии, которой пользовалось большинство авторов, выйти за рамки и свободно указать на некоторые более широкие аспекты наблюдавшегося.

В основном, это будет строгая работа: широко сгруппировать черты религии и связать их с действиями ума, которые придают им форму. Удобное и широко признанное разделение умственных способностей на чувства и эмоции, волю и внешнее поведение, а также на знания вполне может послужить упорядочению этого невероятно разнообразного материала. Затем мы увидим, как эмоции будничной жизни, общие способы поведения и мышления распространяются на религию и проявляют там свое влияние.

Сразу же проявятся контрасты внутри единого разума и в различных темпераментах людей и рас, что наведет на мысль о том, а не являются ли контрасты религиозной жизни и идей в конечном итоге следствием всего этого. Таким образом, возможно, удастся различить некоторые из сложных ментальных сил, которые порождают различные верования в отношении человеческой судьбы, божественной природы и ее отношения к людям и миру. Бесконечные трудности такого предприятия и, тем не менее, присущий ему интерес и перспективность дают человеку, балансирующему между отчаянием и надеждой, путь к счастливому исходу.

Но поскольку наше внимание так долго будет приковано к различным формам конфликта внутри религиозного умонастроения, возможно, было бы неплохо сначала, в качестве своего рода подготовки к более предметному обзору, рассказать о проекциях этого внутреннего конфликта вовне, на Природу и мир духов. Это послужит своего рода показателем внутренней

борьбы, которую сам человек часто не в состоянии распознать, поскольку он видит лишь ее отдаленные отражения и полагает, что это все.

Религиозной жизни присуща борьба. Присутствие в высшей степени впечатляющего делает человека, других людей и все обычные жизненные блага объектами одновременно ценности и презрения. Благоговение вызывает одновременно надежду и страх, радость и уныние.

И все же люди, естественно, видят этот конфликт не только внутри себя, но и, по крайней мере отчасти, вовне: части и силы мира находятся во взаимной борьбе. Однако у народов и религий существует разное понимание этого разлада. Грек изображал мир примерно так, как он строил свой храм, с определенной простой грацией. В то же время германец, внутренне уподоблявшийся готическому своду с его непроницаемыми тенями, видел мрак и зло рядом с тем, что справедливо. У каждого народа и каждого человека в той или иной степени обнаруживается своеобразное ощущение напряженности мира. Временами кажется, что борьба происходит непосредственно внутри и позади простой физической смены дня и ночи, солнечного света и облаков, лета и зимы.

Воображение превращает их в бесконечную войну духов природы, в которой неопределенная победа остается лишь на время за любой из противоборствующих сил. Для египтян дневной свет должен победить духа ночи: Ра, Солнце, плывет по небесам в своей ладье и сражается с великим змеем Апопом, демоном бездны. Смена времен года стала для многих народов сказкой, подобной мифу о скорби по погибшему Адонису и радости от его возвращения, или о Персефоне, унесенной в печальную обитель Аида, но каждый год возвращающейся на время к своей матери и небесам. То, что для холодного научного взгляда является всего лишь ритмом дня и ночи, жары и холода, деревьев с распускающимися почками, покрытых цветами и теряющих листья, для более пластичного и детского

ума становится жестокой битвой героев или чудовищ. Активируются симпатии человека, и он становится сторонником тех сил, которые согласуются с его собственными целями, и вскоре эти великие существа в глубине души ощущаются уже более дружелюбными, нежели духи, населяющие ночь, зиму или бурю. Мрачный север, темные пещеры земли, негостеприимные пространства под землей обычно ассоциируются с враждебностью и населяются злобными формами, в то время как юг, залитые солнечным светом горные пики, светлый верхний воздух, являются домом добрых сил. И эти духи, или боги, не только противоположны в своем отношении к людям, но находятся в состоянии войны друг с другом. Считается, что Земля враждует с Небом, а рожденные на земле гиганты сражаются с богами горных вершин и верхних слоев воздуха. Таким образом, благодаря этому примитивному чувству у всех нас закрепляется контраст (не только физический или пространственный, но и моральный) между низким и высоким, между землей и небом.

Трудно, а то и невозможно, сказать, где этот конфликт перестает быть физическим и приобретает нравственный оттенок. Если все, отмеченное чувством дружелюбия или ненависти, уже входит в круг морали, тогда напряжение мира даже в этих мифах представляется этическим, поскольку это борьба проходит между силами, выступающими за социальное объединение или разрушение. Но нравственная природа борьбы яснее проступает в религиях, которые видят мир духов поделенным, где одни духи сочувствуют людям, а другие, коих великое множество, стараются расстраивать наши планы и докучают богам, которые нам помогают.

Различные формы такого противостояния встречаются у диких народов, как близкородственных, так и всех прочих, примерами чего могут служить следующие. Алгонкины, индейцы Северной Америки, верят, что помимо «Хозяина жизни», творца неба и земли, который любит людей, есть еще злой

дух Мамито, который искушает людей ко злу. В одной из их легенд у великого Духа, Глускапа, которому впоследствии поклонялись все дети света, был брат-близнец, Волк Младший, который начал свою дурную жизнь с того, что умышленно прорвался сквозь бок своей матери, тем самым убив ее. Скулкрафт пишет об этом так:

«Потаватоми, один из коренных народов США и Канады района Великих озер, верят, что миром правят два Духа. Одного зовут Китчемонедо, или Великий Дух, а другого – Матчемонедо, или Злой Дух. Первый дух добрый и благодетельный, второй злобный. Одни полагают, что они одинаково могущественны, и из страха выражают обоим почтение и обожание; другие теряются в догадках на счет того, кто же из этих двух духов сильнее, и потому пытаются умилостивить обоих. Большинство, однако, верит, как и я, что Китчемонедо – истинный Великий Дух, сотворивший мир и вызвавший все сущее к бытию, и что Матчемонедо следует лишь презирать».

То же противопоставление добра и зла выражено и в рассказе о главных божествах индейцев абенаки, хотя здесь нам четко указывают на то, что злой бог могущественнее.

Великий Дух ирокезов наслаждается добродетелью и счастьем человека, которого он создал; но «злобные» (рожденные одновременно с Великим Духом) создали чудовищ, ядовитые растения и рептилий и всегда стремятся сеять раздоры среди людей и умножать их бедствия.

Точно так же манданы, индейцы из группы сиу, верят в существование Великого или Доброго Духа, а также Злого Духа, который, по их словам, существовал задолго до Доброго Духа и намного превосходил его по силе. Дальше на юг в Америке, у индейцев маскогов, бог солнца, называемый Зухе или Бочика, считался другом человека и помогал ему; в то время как его жена, Уитака, Луна, приносила человеку всевозможные труд-

ности и огорчения. Точно так же в Голландской Гвиане существовала твердая вера в существование единого верховного Бога, творца всей Природы, и от него исходит только добро; зло же исходит от йоваху – демонов, которым доставляет удовольствие причинять смерть, болезни, раны, ушибы и все несчастные случаи в жизни. Поэтому к этим йоваху они обращают свои мольбы и в несчастье, используют различные способы отвратить или умилоствовать их злобу; в то время как поклонением верховному Божеству полностью пренебрегают.

Среди африканцев юга Гвинеи существует вера в духа Омвири, доброго и кроткого, и в духа Оньямбе, ненавистного и злого, о котором люди редко говорят и всегда проявляют беспокойство и недовольство, когда его имя упоминается в их присутствии. В качестве последнего примера можно привести то, что кхонды Индии (одно из дравидийских племен) верят, что у Бура Пенну, Бога Света, который создал землю и приносит все благословения человечеству, есть злая жена, Тари Пенну, богиня земли, которая завидует мужу и пытается мешать ему в делах. Именно она вселяет в сердце человека всевозможное моральное зло, сеет семена греха в человечестве, как во вспаханном поле, и насылает болезни, смертельные яды и разные беды.

Здесь оппозицию занимают отдельные существа, враждебные друг другу, и раскол представляется четким и постоянным. Четко понимаемый дьявол, как и в большей части христианства или религии парсов, находится в конфликте с духом добра. Иудаизм, с которым во многом связано христианство, излагает в своих канонических писаниях антитезу добра и зла в менее резкой форме. Рассказчик о несправедливости в Книге Иова – не более демон, чем Агни в Ведах, который тоже сообщает богам о человеческих грехах. От самого Бога исходит то, чего люди желают и что они ненавидят:

«Я Господь, и нет иного, образующий свет и творящий тьму, делающий мир и производящий бедствие». (Исайя).

Рис. 1. Во время танца лесных духов у индейцев Колумбии маски изображают злых духов, мужа и жену. Убор на голове из легкого дерева, ярко раскрашенного; от него спускается сзади длинная коса из сердцевины пальмы. Лицевой покров и одежда из красного луба; вокруг пояса длинная бахрома из желтого мочала

И в некотором роде религия Заратустры с ее полярным противопоставлением добра и зла тесно связана с ведической религией, где антитеза добра и зла гораздо менее выражена. В частности, в буддизме, который является одним из позднейших ответвлений ведической веры, ни добро, ни зло не рассматриваются как верховная Личность; но великий безличный порядок содержит, с одной стороны, некую иллюзию, стремление к индивидуальности, что является злом. В то же время в противоположность этому стоит бегство от личного существования, бессознательность, и только это хорошо. Или, возможно, для большей точности следует сказать, что для значительной части буддистов нет ни Бога, ни дьявола, хотя, как мы вскоре увидим, этот безличный характер оппозиции не сохраняется, а зло принимает личностную форму в демоне Маре.

Но вариативность чувства разлада проявляется не только в колебании между личной и безличной формами противопоставления. У этого также есть свои отличия: борьба теперь проецируется главным образом вовне или снова проявляется в основном в душе человека. По мере того как верующий постепенно осознает, что праведность – это благо превыше всего остального, работа зла, по-видимому, направлена против человеческого сердца. Влияние Лукавого ощущается не столько в боли и внешних несчастьях, сколько в искушении. Силы тьмы особенно стараются воспрепятствовать тем величайшим откровениям закона, которые ведут к пророку и основателю религии.

Моменты яснейшего прозрения ощущаются необычайно судьбоносными для души, им предшествует или за ними следует величайшая борьба с небесными врагами. Заратустра должен встретиться и победить рожденного в аду Ангра-Майнью. «Из северных земель, из области тьмы, примчался Ангра Манью, смертоносный Дэв дэвов», но его встретил Святой, распевая священные слова: «Господня воля есть закон святости!», используя также плотские средства: камни размером с

дом, подаваемые ему Духом Благости. Ангра-Майнью повелевает Учителю отречься от закона Божьего и обещает ему, что он станет правителем народов. Но, отвечая «Нет», Святой завершает свою победу торжественной молитвой:

«Вот о чем я прошу тебя: научи меня истине, о Господь!»
(Зенд-Авеста).

И принц Сидхартха под деревом просветления должен победить искусителя Мару и все его демоническое воинство, прежде чем он сможет стать совершенным вместилищем закона, Буддой. Отряд искусителей (у некоторых из них головы были головы змей и свирепых тигров) окружил дерево Бодхи с четырех сторон, изрыгая пламя и пар. Но они со всей их бу-

Рис. 2. Пляски дьявола на Шри-Ланке, в характерных позах. Исполнители носят своеобразные головные уборы, огромные ушные подвески, медные эполеты, нитки бисера на груди, широкие пояса, с которых свешиваются подвески из красной материи, и широкие юбки с воланами